

Оборотная сторона безопасности

О понимании насилия в философии и социологии.

Александр Фридрихович Филиппов,
доктор социологических наук, директор Центра фундаментальной социологии ИГИТИ, главный редактор журнала «Социологическое обозрение».

Я вынужден, прежде всего, уточнить, что говорю скорее как социолог, а не философ. Хотя философские предпосылки и импликации у социологии есть, время от времени их приходится, хотя бы отчасти, тематизировать. Вообще, принципиально философия и социология разделяются, с моей точки зрения, вот чем. Социология — это эмпирическая наука, причем такова и теоретическая социология. В социологии считается, что любое понятие и высказывание может быть превращено в инструмент для сбора данных или подтверждено данными, хотя сами правила производства значимых высказываний вовсе не требуют моментального обращения к эмпирическому материалу, который, в свою очередь, и является предметом проблематизации. Например, социолог может посмотреть на определенные данные и озадачиться вопросом о том, что с ними делать. Философ может, к примеру, сказать, что вот, мол, какая у меня есть удачная мысль. Посмотрите, как она хорошо подтверждается такими-то данными. Но, в общем, достоинства этих данных и способ их получения не являются его главной заботой. Если социолог столь же легко относится к эмпирии, его рассуждения можно объявить (как это делает, например, Джонатан Тернер применительно к социологии Никласа Лумана) «интересной философией». Для американских социологов это способ выразить порицание, а для нас, конечно, это, скорее, не так. Социологу может быть даже лестно, если его суждения объявят философскими. Впрочем, я не уверен, что все согласятся с такими членениями. Они, однако, необходимы, чтобы обозначить жанр последующих рассуждений как неприязнительное теоретизирование где-то на границе между социологией и философией, точнее, приближение к ней со стороны социологической.

Если задаваться вопросом о том, как понимается насилие в философии и социологии, то, прежде всего, надо отдавать себе отчет в том, что существует несколько очень влиятельных концепций насилия. Если отдавать должное каждой из них, у нас вместо беседы получится курс лекций. Тем не менее, будем помнить, что за каждой из этих концепций стоит

¹ Arendt H. *On violence*. New York: Harvest Books, 1970.

² Жирар Р. *Насилие и священное*. М., Новое литературное обозрение, 2000.

³ Žizek S. *Violence*. London: Profile Books, 2008. Эта книга уже переведена на русский язык и готовится к печати.

⁴ Giddens, A. A *Contemporary Critique of Historical Materialism*. Vol. 2. *The Nation State and Violence*. Cambridge: Polity Press, 1985.

большая фигура. Как социологу, мне, прежде всего, приходит в голову Жорж Сорель и его знаменитая книга «Размышления о насилии». Далее, безусловно, следует упомянуть Вальтера Бенямина с его критикой насилия, Жоржа Батая, Элиаса Канетти с его книгой «Масса и власть», Ханну Арендт¹ и Рене Жирара². Среди авторов последних лет стоит назвать имя Славоя Жижека³ — и остановиться. Не потому, что Жижек — предел всему, а потому что одно только перечисление имен оказывается слишком длинным.

Что касается социологов, то мне в первую очередь хочется назвать Норберта Элиаса, связавшего рассмотрение насилия с процессом цивилизации, и Энтони Гидденса, написавшего книгу «Нация-государство и насилие» («The Nation-State and Violence»⁴). Нельзя ограничиваться поверхностными суждениями о том, что я расскажу. Поэтому, мне хотелось бы рассматривать нашу беседу как возможный ориентир для будущего чтения.

В классической социологии насилие является скорее маргинальной темой. В социологии предполагается, что социальная жизнь не основана на насилии и что по преимуществу рутинной социальной жизни являются какие-то другие способы отношений между людьми. В этом весь смысл социологии: она, как говорит один из ее классиков, Теннис, является исследованием взаимоутверждающего отношения воли. Это означает, что люди позитивно ориентированы друг на друга, даже если при этом они расчетливы

В социологии предполагается, что социальная жизнь не основана на насилии и что по преимуществу рутинной социальной жизни являются какие-то другие способы отношений между людьми.

и эгоистичны. Так, по крайней мере, получается по Гоббсу, и так, вслед за Гоббсом, описывает положение дел Теннис. Он реконструирует один из типов социальной жизни — чистый тип, который называет «обществом». Как раз именно общество населено индивидами, которые, по словам Тенниса, «происходят из «Левиафана» Гоббса. Поскольку они, по Гоббсу, находятся не в «естественном состоянии», где они пошли бы войной друг против друга, а в государстве, то живут мирно, занимаются мирным взаимовыгодным обменом. Насилия в этом обществе нет. Оно, в данном случае, остается за горизонтом социальной жизни как «естественное состояние» или как предельная возможность применения

насилия со стороны суверена для того, чтобы восстановить мир, если он будет нарушен. В этом и заключается парадоксальное положение дел, которое характеризует по большей части отношение социологов к насилию. Социальная жизнь для них, в основном, является мирной и лишена насилия. Однако предельным образом, насилие в ней присутствует, поскольку, с одной стороны, эта социальная жизнь может быть нарушена или разрушена в случае войн и революций. Об этих случаях социология старается не говорить. С другой же стороны, существует также и то, что Макс Вебер называет легитимным физическим насилием.

Вебер и Сорель

Вообще, что касается Вебера, то у него дело обстоит немного похуже, чем у Гоббса. Он не говорит, что насилие может быть применено только в случае нарушения мирного состояния. Он говорит, что государство есть тот политический союз, который в наши дни с успехом претендует внутри определенной географической области на монополию легитимного физического насилия. Это почти дословная цитата, то определение, которое дает Вебер. Здесь также присутствует любопытное обстоятельство, на которое обратила впоследствии свое внимание Ханна Арендт. А именно: кого цитирует и на кого ссылается Вебер? Это не Гоббс, не Маркс, не Сорель. Это — Троцкий. Вебер цитирует Троцкого. Конечно, если бы это определение он приводил в каком-нибудь систематическом научном труде, то он не стал бы цитировать Троцкого. Но Вебер произносит речь перед студентами. Это — его знаменитая речь «Политика как призвание и профессия»⁵. Дело в том, что незадолго до этого Вебер виделся с Троцким и разговаривал с ним в Брест-Литовске во время переговоров, где Вебер был членом немецкой делегации. Поэтому в своей речи он говорит прямо, что Троцкий в Брест-Литовске сказал, что всякое государство основано на насилии, и это, говорит Вебер, действительно так.

Для нас это обстоятельство представляет интерес, поскольку Троцкий высказывает марксистскую или, во всяком случае, социалистическую точку зрения. Троцкий говорит от имени тех, кто совершил насильственный переворот и на любую критику готов ответить утверждением, что насилие есть не только при перевороте. Оно было до него, оно есть в любом государстве. Социалистическую же точку зрения высказывает и Сорель. Сорель считает возможным вмешательство насилия в определенный ход вещей, а именно, он

⁵ Вебер М. *Избранные произведения*// *Политика как призвание и профессия*. — М.: Прогресс, 1990, стр. 644-706.

считает возможным применение насилия со стороны трудящихся для того, чтобы исправить сложившуюся ситуацию.

Эти моменты заслуживают пристального рассмотрения, поскольку здесь многое зависит от нюансов. Еще Ханна Арендт обратила особое внимание на известные, всеми цитируемые слова Маркса о том, что насилие — повивальная бабка истории. Что значит «повивальная бабка»? Повитуха помогает родам. В данном случае помогает рождению исторически нового. Это означает, что новое или радикально новое не появляется без насилия. В отличие от того, как понимали революцию несколькими веками ранее, революция в трактовке Маркса — это то, что посредством насилия приводит к появлению, учреждению нового политического состояния, нового мирского порядка.

А что происходит в тех случаях, когда революции нет? Будет ли насилие дальше, даже после социалистической революции, все так же повивальной бабкой истории?

Насилие — повивальная бабка истории.

Что можно сказать о ситуациях между революциями? Что нам на это может ответить Маркс? А он особо много об этом не говорит, что не случайно. Для Маркса в обычной, нормальной рутине капиталистического производства нет места насилию, потому что оно организовано (и с этим согласился бы Вебер) как механизм, машина. А это значит, там работают каузальные связи. Когда мы нечто называем машиной, мы имеем в виду каузальную детерминацию. Насилию там просто нет места. Представьте себе завод, производящий гвозди. Он сначала делает заказ на металл определенного качества. Потом этот металл подвергается специальной обработке. Затем предварительно наструганные из этого металла железные пруты, нарезаются и затачиваются. Все это необходимо, чтобы получить гвозди. Если на каком-нибудь этапе произойдет произвольное вторжение в этот процесс, то у вас не будет гвоздей. Одно из двух: либо гвозди, либо повивальную бабку истории. Если в ближайшее время вы не планируете появление нового общественного порядка, при котором старого механизма совсем не будет, а будет либо новый механизм, либо вообще не будет никаких механизмов, то тогда, пожалуйста, вперед со своим насилием. Но если в какой-то момент мы видим, что еще не пришло время для смены общественного порядка, то тогда ни про какое насилие Маркс и слышать не хо-

чет и вовсе не считает возможным заменить, например, рабский труд на американских плантациях свободным трудом, так же как и запретить детский труд на предприятиях.

Если в ближайшее время вы не планируете появление нового общественного порядка, при котором старого механизма совсем не будет, а будет либо новый механизм, либо вообще не будет никаких механизмов, то тогда, пожалуйста, вперед со своим насилием.

О первом он пишет в конце 40-х годов XIX века, критикуя Прудона в «Нищете философии», о втором — в «Критике Готской программы», уже в 70-е гг. Насилие здесь просто некуда вставить. Конечно, можно назвать воздействие на вещь природы в трудовых операциях насилием над природой, а разделение труда и отношения собственности — насилием над рабочим классом, но это уже другая логика.

А у Сореля, наоборот, насилие есть куда вставить. Сорель лучше всего понимать по контрасту с социологами и идеологами солидаризма. Ему понятна логика солидаризма, но он ее отвергает. Юристы, социологи, политические теоретики и историки — все пишут в то время про солидарность. Литература о солидарности во Франции в это время совершенно чудовищная по объему. У одного из авторов солидарность становится чуть ли не космическим феноменом, в который встраивается человеческое общежитие. Такая солидарность всего со всем в мире находит свое продолжение в солидарности всех людей. В частности, это означает, что, скажем, богатые должны заботиться о бедных, а бедные, в свою очередь, тоже не должны отрезать богатым головы.

Сорель считает, что социальная жизнь устроена таким образом, что невозможно бывает неимущим классам обойтись без радикального насильственного вторжения внутрь этого самого механизма. Также он заявляет, что все эти буржуазные разговоры о мире и миролюбии являются попытками замутить головы и вывести ситуацию из-под контроля трудящихся, которые могли бы только насилием добиться того, что им требуется. Существующие социальные отношения, пишет он, благоприятствуют совершению множества актов насилия, и незачем от него воздерживаться, если оно может сослужить службу трудящимся. Здесь насилие оказывается возможным как определенный элемент динамики самой социальной жизни. По Сорелю, без насилия социальная жизнь застывает.

У Вебера же, и это очень хорошо видно по определению, которое я цитировал, насилие является трансцендентальным условием социальности, то есть условием самой возможности того, что социальность будет существовать. В принципе, это — гоббсовская постановка вопроса. Но Веберу этого мало, потому что он соединяет, казалось бы, несоединимое, а именно понятие насилия с понятием легитимности. С его точки зрения, государство обладает монополией на легитимное физическое насилие. Может случиться так, что другие тоже будут применять насилие, но только государству принадлежит право применять его легитимно. Для Вебера совершенно ясно, что это насилие не просто одно из проявлений власти, а это именно физическое насилие, то есть насилие, воздействующее на тело. Это может быть причинение боли, телесное принуждение и даже убийство. Вебер все это сводит к одному понятию: легитимному физическому насилию. Поэтому интересно было бы проследить переключку Вебера и Вальтера Беньямина.

Небольшую работу, посвященную критике насилия, Беньямин пишет всего только через год после того, как Вебер формулирует свои знаменитые определения. При этом важнейшим источником для него оказываются «Рассуждения» Сореля. Беньямин отказывается считать насилием всякое принуждение. Насилие есть тогда, когда речь идет о вторжении в нравственную сферу, и если считается, что насилие это средство, а цели могут быть благими или дурными, то вопрос о том, как относиться к насилию ради благих целей, тем самым пока не решен. Он становится еще более любопытным, если различать насилие правомерное и неправомерное. Ведь неправомерное, то есть идущее вопреки устойчивому порядку вещей и праву, насилие может быть не только хищническим, оно способно быть учредительным насилием, будь то всеобщая забастовка, о которой говорил Сорель, или же война, после которой учреждается мир. Насилие может быть правоохранительным и правополагающим.

Проблему современных ему парламентов Беньямин (удивительным образом предвосхищая некоторые важнейшие мыслительные ходы Карла Шмитта) видит в том, что они утратили чувство репрезентированного в них правополагающего насилия и вместо принятия решений, которые нуждаются в применении насилия, стремятся к поискам компромиссов. Однако Беньямин идет еще дальше, продвигаясь именно в критике насилия. Вот что он говорит: «Но что, если судьбоносное насилие, как раз поскольку оно применяет

оправданные средства, окажется в непримиримом противоречии со справедливыми целями, причем одновременно обнаруживалось бы насилие иного рода, которое бы не было ни оправданным, ни неоправданным средством для этих целей, но относилось бы к ним вообще не как средство, а как-то иначе?»⁶. Другими словами, в определенных обстоятельствах на горизонте появляется, например, насилие, которое не может в принципе стать правополагающим. Когда человек в гневе прибегает к насилию, это манифестация его гнева, а не правоприменение или правополагание. Однако от понятия насилия как манифестации можно перейти к более радикальным постановкам вопроса, потому что мифическое насилие, каким видит его Беньямин, тоже является манифестацией, насилием как таковым, исходящим от подавляющей мощи. Впрочем, отсюда он переходит к вопросам политической теологии, настолько тонким, что их не следует профанировать сокращенным изложением. Запомним однако, что Беньямин связывает здесь насилие с проблематикой «голой жизни», жизни как таковой, помимо всех ее культурных и социальных определений, что позволяет протянуть ниточку и к позднейшим, связанным уже с осмыслением опыта тоталитаризма размышлениям Ханны Арендт и к более современным работам Джорджо Агамбена о понятии чрезвычайного (исключительно) положения. Возможно, мы когда-нибудь поговорим об этом подробнее.

Становится ли больше насилия?

Этот вопрос является, по сути, перевернутым вопросом о государстве, потому что одним из величайших оправданий государства было понятие «безопасности». Томас Гоббс, например, заканчивает «Левиафан» словами о том, что его задачей было показать взаимосвязь защиты и повиновения. Иначе говоря, государство по Гоббсу предлагает людям защиту в обмен на повиновение. Люди отказываются от очень многого, в том числе даже от права на самозащиту, то есть они отказываются от применения легитимного насилия по отношению к другим, собирающимся совершить насилие в отношении них. Они идут на это в обмен на гарантии безопасности.

Гоббс стоит у истоков современной политической науки. Если другой классик политической науки Макиавелли ведет речь о людях, для которых благо отечества важнее спасения души и чья добродетель — мужество, то Гоббс, как говорил о нем Лео Штраус, одержим мыслью о мире.

⁶ Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt// Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. 2/Hrsgg. v. R. Tiedemann und H. Schweppenhäuser., Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1999. S. 196.

Есть замечательный источник, сумевший объединить в себе философию, историю и социологию, — это один из курсов лекций Фуко (хотя от социологии и других научных дисциплин он там отмежевывается). В конце жизни Фуко ежегодно читал лекции в Коллеж де Франс. Сейчас эти курсы активно издаются. Для нас интересен его курс под названием «Безопасность, территория и население», потому что здесь он показывает сложную историческую связь между всеми этими характеристиками. Государство у него не просто так берет и становится насильником. Государство очень многое отнимает у людей, в том числе право самозащиты. Но оно может оказывать им радикальное попечение, при том — весьма разное в разные времена. Попечение означает не только безопасность, мир без насилия и т. д., но также и вторжение в такие области жизни людей, которые могли и не являться предметом государственного вмешательства. В конструкции Гоббса государство не вмешивается в частную жизнь граждан, а они, под страхом смерти, не выносят

Государство очень многое отнимает у людей, в том числе право самозащиты.

свои убеждения на публику. Безопасность в обмен на подчинение — вот что он предлагает (эта важная формула есть в «Левиафане», в последнем абзаце). Так, говорит Карл Шмитт, Гоббс задумал машину нейтрального государства. Но эта конструкция не реализовалась.

Современное же государство склонно к вмешательству в массу таких сфер жизни человека, которые до этого не являлись объектами государственного вмешательства. Мы можем это видеть постоянно в разных ситуациях. Биополитические регуляции государства обнаруживаются в самых неожиданных местах. Что мы едим? Что пьем? Чем кормим детей? Прививаемся или нет от болезней? Можем ли мы судьбу детей решать по своему усмотрению, как в биологическом плане (кормление, медицинский уход), так и в социально-нравственном (воспитание, образование)? Конечно, все это является частью семейной сферы, но частная сфера любого гражданина местами может быть чрезвычайно сужена. Вы, к примеру, не сможете въехать в какую-нибудь страну, не сделав тридцать прививок. Причем каждая из них может оказаться для вас смертельной, ведь в случае тридцати видов аллергии вы не можете знать точно, какой именно страдаете. О вас собирают данные

для биометрических паспортов, потому что это требуется якобы для безопасности. А несколько веков назад достаточно было дать вербальное описание человека, чтобы найти кого угодно по несложным приметам.

Все это, в общем, достаточно тривиально. Мне даже как-то совестно об этом говорить. Однако хитрость все же состоит в том, что все эти меры вмешательства подаются в одном пакете с безопасностью. Вроде бы все остается по-старому, и государство просто продолжает заботиться о нашей безопасности, именно о безопасности «голой жизни», то есть его не волнуют наши убеждения, и оно позволяет нам заниматься любой безвредной для него деятельностью. Но в одном пакете с безопасностью теперь находятся определенного рода меры, а именно меры решительного контроля, сбора приватной информации и вмешательства в нашу жизнь вплоть до уровня биологического воспроизводства. Опять-таки вмешательство не в убеждения, не в гражданское поведение, а в «голую жизнь». Но это лишь часть дела. Понятие безопасности оказывается в высшей степени широким понятием, так как имеется в виду не только безопасность отдельного человека, а безопасность групп людей, которая каким-то образом классифицируется и трактуется не просто как способность каждого члена этой группы остаться в живых чисто в физическом смысле, но и как сохранение параметров самой этой группы. Можно было бы назвать это родовой жизнью, если бы на понятии не лежала тяжелая нагрузка марксистской традиции и трактовки. Например, может быть принят закон, который будет обязывать людей, страдающих генетическими отклонениями, непременно проходить некие обследования для того, чтобы в результате у них не родился ребенок с такими же генетическими отклонениями. Эта ситуация более чем реальна. Если человек страдает болезнью, обладающей высокой степенью заразности, то он может быть подвергнут уголовному преследованию, если не принимает мер предосторожности. Такое обхождение было нормой и в более ранние времена, где существовали свои меры применительно, например, к прокаженным или зачумленным. Если это все перевести на язык современной науки, то выясняется, что степень и уровень контроля должны быть усилены и утончены, и вмешательство должно проводиться под предлогом безопасности все более и более радикально.

Вмешательству государства существует противодействие. Например, женщины могут отказаться рожать в роддоме,

где нет надлежащего ухода или можно снова подхватить давно забытые болезни. Так же у кого-то может быть резкое неприятие биометрических паспортов или негативная реакция на любые меры контроля или безопасности, даже если речь идет о террористической угрозе. Все это противодействие накапливается в некоторый совокупный потенциал неприятия общей схемы, согласно которой, безопасность обменивается на возможность государства осуществлять все эти контролируемые функции.

Когда мы говорим с вами о том, что становится больше насилия, мы видим, что оно делается более многообразным. К примеру, в каждом современном большом городе есть такие районы, где меры государственного контроля и безопасности для чужого совершенно не работают. Возникают огромные ареалы, где государство просто не может себя реализовать, подтвердить свою способность обеспечивать безопасность, и рост этих ареалов, то есть увеличение количества таких небезопасных мест, является тревожной тенденцией для очень многих городов и стран.

Можно привести еще один пример, который не является хорошим примером в эмпирическом смысле, но подходит нам как отображение определенного современного умонастроения. Это произведения Уэльбека. Для нас являются наиболее показательными две его книги, а именно «Платформа» и «Возможность острова». В «Платформе» постоянно акцентируется тема насилия в пригородах. В небезопасных районах ради дешевизны возводятся роскошные офисы. А выходит так, что там, в этих самых офисах приходится чуть ли не баррикадироваться. Поездка же домой становится чрезвычайно опасной. Жизнь благополучных людей не может быть сохранена и гарантирована всеми усилиями современного государства. Если вы находитесь в соответствующем ареале, то вас уже ничего не спасет. В этом случае, вынужденной и характерной мерой, естественно, будет являться наличие большого количества охраны.

В романе «Возможность острова» речь идет о далеком будущем, когда новая человеческая раса живет практически в крепостях, то есть в регионах безопасности. Вокруг этих регионов кишит дикая, опасная жизнь. Там даже не возникает мысль о том, что бы какому-нибудь государству взять эти территории под свой контроль. Зато есть инстанция контроля над этой новой расой, у немногих ее представителей практически не осталось приватности в точном смысле слова. Их жизнь почти всецело подконтрольна центральной

инстанции. Области контроля и области совершенной нецивилизованности отделены одна от другой. Это очень внятное свидетельство, хотя и художественное.

Мы можем обратиться и к нашему собственному повседневному опыту. Есть вещи, которые мы улавливаем из повседневности, на основе которых мы можем делать определенные выводы, хотя бы по принципу «дыма без огня не бывает». Например, сегодня мы можем увидеть большое количество самых разных служб безопасности, с которыми приходится сталкиваться в современном городе, также

Когда мы говорим с вами о том, что становится больше насилия, мы видим, что оно делается более многообразным. К примеру, в каждом современном большом городе есть такие районы, где меры государственного контроля и безопасности для чужого совершенно не работают.

как и большое количество охранников. Даже не столь важно для нас в данном случае, почему, скажем, в Москве так много охранников. Гораздо интереснее проанализировать феномен отвоевывания и апроприации частей публичного пространства, в которых есть безопасность. Социолог Зигмунд Бауман назвал этот феномен «войнами за пространство» («space wars»). Публичное пространство вдруг становится недоступным для публики, частным. При этом публичное пространство перестает быть пространством безопасности. Государство допускает образование анклавов подлинной безопасности внутри себя. Оно расписывается в неспособности обеспечить эту безопасность в обычном публичном пространстве. У Жирара есть простая, но доходчивая схема, объясняющая феномен возрастающего насилия. Если нет устойчивых регуляций поведения и способов задавать целеполагание, люди склонны к миметизму, подражанию друг другу. Если кто-то добивается удачи, применив насильственные средства, другой будет ему подражать, чтобы не проиграть, а первый будет смотреть на него, видя, что теперь его встречает не податливая среда, а насильственная, так что он нуждается в более интенсивном насилии, чтобы добиться своего. И так они смотрятся друг в друга и подражают, пока дело не дойдет до войны всех против всех. Из этой простой схемы многое следует. Например, если традиционное известное решение состоит в том, что бы вывести вражду во вне сообщества, найти козла отпущения, учредить ритуал,

повторяющий это изгнания врага «за стены», то что может означать проповедь толерантности, постоянно повторяющееся утверждение, будто вне сообщества у него нет врагов? Логично предположить, что старая вражда, старый механизм автопотенцирования враждебности, будет запущен снова. Это постоянный источник колебаний в принятии важных политических стратегий. И если мы увидим, что где-то выстраивается стратегия выбора ритуальных политических жертв, мы можем предполагать за ней острую потребность в солидаризации гражданского мира. Но если прав Сорель (или Фуко, или кто-нибудь еще, особенно — ужаленный марксизмом), любое стремление к гражданскому миру, минуя противостояние групп и решая проблему как проблему противостояния отдельных людей, означает стремление скрыть это противостояние, то есть структурное насилие одного класса над другим. Жижек об этом пишет в высшей степени определенно.

Мы наблюдаем сегодня нарастающий контроль, который объясняется тем, что государство все еще отвечает за безопасность, так же как мы видим и нарастающее стремление государства совершать насилие над каждым, кто не подчиняется требованиям обеспечения безопасности.

Вернемся, однако, к эмпирическому уровню. Мы наблюдаем сегодня нарастающий контроль, который объясняется тем, что государство все еще отвечает за безопасность, так же как мы видим и нарастающее стремление государства совершать насилие над каждым, кто не подчиняется требованиям обеспечения безопасности. Вне зависимости от того, готовят ли террористы атаку или нет, вас выпотрошат наизнанку в аэропорту и не дадут взять с собой кучу вещей, которые ранее являлись самоочевидными для провоза в салоне. Это же настоящее насилие. Вы насильственно не допускаетесь к полету, хотя вы уже купили соответствующую услугу, которая вам, в итоге, не оказывается. Вы как гражданин считаете, что имеете право на приватную жизнь. Тем не менее, вас могут при этом досматривать как преступника в тюрьме. Кстати, благодаря таким практикам, нам частично дают понять, что испытывает заключенный, когда его ежедневно обыскивают. А ведь для того, чтобы понять это, нам достаточно просто взять билет на самолет. Или другой пример. Попробуйте только уклониться от какой-нибудь важной

прививки, вас тут же затаскают по судам, или по отношению к вам будут применены определенные насильственные меры в том случае, если у вас очень опасное заболевание.

Исходя из такого понимания, мы можем сделать вывод, что государственное насилие растет. Существует некий государственный разум, согласно которому сохранение государства является высшим благом. Только всему этому придается вид заботы об основной части населения, которая находится под угрозой тех, кто не подчиняется этим мерам. При этом одновременно государство расписывается в бессилии, допуская внутри себя образование островков безопасности. Что такое островок безопасности? Да неважно, что это такое! Это может быть ночной клуб с фейсконтролем и мордатými охранниками. Это может быть здание банка или фирмы, которое стерегут за деньги милиционеры (вневедомственная охрана). Это может быть образование каких-нибудь закрытых коттеджных поселков или кондоминиумов, куда просто так вообще не войдешь. Единственный вход туда может проходить, к примеру, через гараж, который открывается нажатием кнопки на пульте из автомобиля, который въезжает внутрь.

Назовем подлинным насилием радикальное воздействие на тело. Хотя помимо такого понимания насилия, характеризующегося воздействием тела на тела, существует также и понятие духовного насилия. У знаменитого некогда конфликтолога, политолога и социолога Юхана Гальтунга было также понятие структурного насилия. Но, предположим, что мы не говорим о духовном и структурном насилии, а говорим о прямом старом грубом насилии. В таком случае мы видим, как некий высший авторитет или высшая инстанция делегирует полномочия этого насилия неисчислимому множеству тех, кто теперь имеет право его применять, то есть теперь имеет право вас трогать, право вас оттолкнуть, причинить неудобство, заставить что-либо сделать вопреки вашей воле. Это множество представляет собой гораздо более широкие слои людей, располагающих легитимным правом на насилие. Обратной стороной медали, как я уже сказал, является наличие низового стихийного насилия, справиться с которым, как выясняется, государство не может.

Государство де факто отдает свою монополию на легитимное физическое насилие. Охранник в клубе, который не впускает вас и готов применить по отношению к вам физическую силу, не является служащим государства и никак его не репрезентирует. Возможно даже, что он вообще нико-

го не репрезентирует. Вы ему просто не нравитесь, а именно ему не нравится ваше лицо. Он интерпретирует признаки, согласно которым кто-то не допущен внутрь пространства безопасности.

При этом он имеет право на насилие. Конечно, его право не безгранично, поскольку он не может вас убить. Или может, но не хочет. Ему дано это право, поскольку существует необходимость в том, что бы была выгорожена определенная территория или помещение, где все остальные, по идее, должны чувствовать себя в безопасности. Но если вы попадете под горячую руку условному охраннику, станете на пути большого черного автомобиля, вообще любого, кто сильнее физически, численно, силой оружия, силой загадочных бумаг с универсальными разрешениями или силой симулякров этих бумаг, или соединением всего названного, — в любом случае вы оказываетесь в области мифического насилия как манифестации «голой мощи», направленной против «голой жизни».

В связи с этим, после всего вышеизложенного самым приятным для меня было бы сказать, что государство как некий проект исчерпало себя. Но есть очень много причин, в силу которых я не могу сейчас подписаться под таким радикальным мнением. Я, скорее, могу сказать, что оно так устроено и что его слабость есть продолжение его силы. Об этом сложно сделать вывод по результатам одного нашего разговора и важно понимать, что существует много вещей, связанных с насилием, о которых я сегодня не рассказал. ❏

*Текст подготовили Владимир Селиверстов
и Арсений Куманьков.*

СОЦИАЛЬНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Сказать нечто о насилии — разве это не лучший пример насилия? То, что мы — люди — продолжаем говорить о насилии, доказывает его необходимость. Следовательно, в насилии есть нечто привлекательное. Что может привлекать в насилии?

*Петр Сафронов,
кандидат философ-
ских наук, научный
сотрудник философ-
ского факультета МГУ.*

Очень многие скажут: власть. Власть проявляется в возможности обоснованно применять насилие. Там, где нет возможности обосновать насилие, власти нет. Но неужели кто-либо встречался со специальным обоснованием насилия? Насилие в наши дни таково, что обосновывает себя, скрываясь. Худшая форма насилия — это его отсутствие. Человек современного западного мира принужден к насилию именно его отсутствием. Когда на улице, в семье, на работе слишком спокойно и уютно, тогда-то и возникает насилие. Насилие — это способ общества напоминать о себе в условиях безграничного индивидуализма. Оно становится способом восстановления упущенных, забытых, зачеркнутых социальных связей. Насилие концентрирует в себе социальное бессознательное. И в свою очередь, насилие сконцентрировано в социальном бессознательном. Отдельный человек может быть инструментом насилия, но никогда — его источником. Насилие — это последний остающийся еще в живых эффект коллективности, последнее свидетельство того, что окончательная смерть общества еще не случилась. Более того, западному обществу нужно «впрыскивать» насилие через медиа как лекарство. Насилие лечит самую страшную болезнь: полное отсутствие каких бы то ни было болезней. Современное общество не в силах выносить само себя без насилия. Его терпение истощено до последней капли. Только насилие еще поддерживает едва теплящийся социальный интерес. Мы еще остаемся людьми постольку, поскольку совершаем насильственные действия. Открыто или тайно, смело или трусливо, законно или преступно. Чем объясняется влечение к насилию? На мой взгляд, оно объясняется небывалым уровнем свободы (политической, сексуальной, экономической и т. п.). Где есть свобода, там всегда есть насилие. Дайте людям больше свободы и получите больше насилия.